Отдельно не продается. № 7 (19). Цена 30 р. вместе с № „Рабочей Газеты“.

КРОКОДИЛ

Москва Воскресенье, 8 октября 1922 г.

Рис. Д. Моора.

Кемалисты требуют участия России в разрешении дарданельского вопроса.
Россия заявила, что она не признает никакого решения дарданельского вопроса без ее участия. (Из газет.)

Р. С. Ф. С. Р:—Как бы мне пройти? **Кемалисты**—Я и сам пройти хочу. Да вот пробка...
Р. С. Ф. С. Р:—На всякую пробку есть штопор.

Советский ангел.

Отставной патриарх Тихон и компания
Духовно-черносотенного звания,
Старые салопницы, отставные чиновники,
Интеллигентные и неинтеллигентные кликуши,
Все староцерковники
И отчаявшиеся души,
Станьте с разинутыми ртами
Перед Спасскими Кремлевскими вратами,
Впяльте бараньи ваши глаза
В привратные образа, —
Хоть они давнего происхождения,
Но покажутся вам хуже всякого наваждения:
Стоят два ангела, небесные дворники,
Советской власти поборники,
Особливо со стороны правой
Этакий ангел бравый
С начертанием вокруг главы:
«АНГЕЛ ВЕЛИКОГО СОВЕТА»!
Что на это скажете вы?
Не пророчество-ль надпись эта?
Не намекает ли этот ангел у ворот
На небесный советский переворот?
Я, по крайности, желаньем сгораю —
К «ПОТЕРЯННОМУ И ВОЗВРАЩЕННОМУ РАЮ»
Поэме знаменитого Мильтона
Добавить 2—3 своих фельетона,
В коих докажу, как дважды два — четыре,
Что в небесном эфире,
Там, где по Тихоновскому адрес-календарю
Полагается быть божественному алтарю,
Давным-давно нет алтаря в помине:
Сам бог давно скитается в пустыне,
Спасая свою шкуру
И кляня пролет-ангельскую диктатуру.
Где находится
Мать — честная Богородица
И Исус Христос,
Это ненужный вопрос,
Так как профессор Виппер, враг советского режима,
Доказал в своей книге неопровержимо,
Что все евангельские истории
Суть выдумки первой категории.
Но об этом я расскажу отдельно,
Ведь я буду писать в «Крокодиле» еженедельно.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

„Воздушная братия".

Л. Сосновский и Д. Бедный.

(Шарж).

Рис. Д. Мельн.

**Товарищ Сосновский, полетав на аэроплане,
Написал в «Правде» о летающем Демьяне.
А «Крокодилу» что-то не верится,
Что Демьян в небесах ресефесерится.**

Соответственно званию.

Стигней Стигнеевич Долбенов, с которым я иногда встречаюсь по делам службы, в последние дни был чем-то озабочен и даже слегда задумчив. Стигнею Стигнеевичу, занимающему видный хозяйственный пост, все это было до такой степени не к лицу, что я не удержался и спросил:

— В чем дело? Между нами-то говоря?

Стигней Стигнеевич ответил:

— Думаю.

— Плюньте. Что за охота? Старый, уважающий себя совбур,—и вдруг...

— В том-то и штука!—озабоченно перебил Стигней Стигнеевич.—В этом и штука, что нынче я уже не совбур, а совдур. По новой, так сказать, табели о спец-рангах. Читали в «Правде», небось?

— Ну, так что—ж? Совдур, так совдур. Разве это вам чем-нибудь угрожает?

— Не думаю, чтоб угрожало,—сказал Стигней Стигнеевич,—за что мне угрожать? Так ли, иначе ли, но ведь, во всяком случае, я—присос!

— Виноват... Вы—что сделали?..

— Да не сделал я,—пояснил Стигней Стигнеевич.—Присос'ы—*«признающие советский строй»*. Сокращение. Но присос—это само по себе, а вот совдур...

— Не нравится вам?

— Не то чтоб не нравилось.. Но создает, все-таки, известные обязанности. Совбур—одно, а совдур—это уж, как хотите, нечто особое!

— Ну, чего там... Дурацкое дело—нехитрое!—попытался я утешить Стигнея Стигнеевича.

Но Стигней Стигнеевич покачал головой:

— Как вам сказать!.. Вот, например, купил я недавно для треста у одного представителя, партию сапог по пяти тысяч за пару...

— Хорошие сапоги?

— Не видел я их. Деньги авансом заплатил. Глупо?

— Очень. Ну!

— Продал я этому же представителю партию наших сапог, по три тысячи за пару... Ну, а затем...

— ...Приняли от него эти же самые сапоги в счет купленной вами партии?—догадался я.

— Совершенно верно!—обрадовался Стигней Стигнеевич.—Как это вы узнали? Но только к пяти тысячам мне пришлось доплатить еще по тысяче, потому что закупал я юфтевые сапоги, а наши были—хромовые. Вот я и думаю...

— Что уж тут думать! — сказал я.—Действительно дураком надо быть, чтобы такую штуку устряпать! Невероятная глупость!

Стигней Стигнеевич радостно улыбнулся... И с чувством потряс мою руку:

— Да?.. Ну, спасибо, голубчик! Утешили вы меня! По-совдурски я, значит, поступил?

— Уж на что совдуристее! Дальше некуда!

— Как последний идиот?

— В этом роде.

— Ну, спасибо!—еще раз повторил Стигней Стигнеевич.—Совсем вы меня успокоили! А то, ведь, я было думал...

И докончил бархатным совбурским шопотом:

— Кто их там, думаю, знает... Вдруг скажут, что не совдурство тут, а самое простое мошенничество?

Грамен.

Крестьянин Лобачов, 42 лет, изобрел трансмиссионную машину. Из Вологодской губ. он пришел пешком за 600 вер. в Москву и здесь ходит по учреждениям, чтобы получить патент из свое изобретение. (Из газет).

Рис. Д. М.

Лобачов в день прихода в Москву.

После получения патента.

Ильич выздоровел.

Рис. Д. Моора.

Появление т. Ленина на всемирной конференции.

— Ильич погиб! — они кричали;
— Погиб совет без Ильича!
На губы положив печать,
Мы чутко ждали и молчали.
И тем сильней теперь наш клич:
— Вперед! Да здравствует Ильич!

ЛИХОЕ ДЕЛО.

На острове Исландии редактор коммунистической газеты приютил у себя русского мальчика. Местные власти потребовали высылки юного большевика, а когда редактор отказался,—осадили дом и взяли мальчика силой.

(Из газет).

Рис. Б. Ефимова.

— Осторожнее! Когда будете брать его—оденьте перчатки. Он может заразить вас бациллой коммунизма.

Железнодорожная администрация в Челябинске устроила торги на бесхозяйственное имущество—„железнодорожный хлам", как значилось по описям.

Скупщики, приобретя хлам, перепродали его Екатеринбургскому губсельскладу, нажив на сделке 900 процентов барыша, превысившего 9 миллиардов рублей.

„Хлам", оказалось, представлял собою не что иное, как в разобранном виде 149 новеньких заграничных плугов весьма редкой конструкции.

(См. „Рабочую Газету" № 176).

БЕСХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КЛАСС.

(О том же).

Не торговалися до хрипу, до упаду,
А полюбовненько с рук в руки сбывши «хлам»,
И с диким барышем «хлам» сплавив губсельскладу,—
Барыш, хи-хи-кая, делили пополам?
«Администрация» бумаг испишет кипы,
Расходные статьи по клеткам разнося.
Глупцы? Плуты? Равно зловредные полипы,
Усвоили одно все эти злые типы:
«Хлам бесхозяйственный» для них Россия вся.
КОГДА-Ж МЫ, НАКОНЕЦ, ХОЗЯЙСКОЮ РУКОЮ,
ДУБИНУ ОПУСТИВ НАД СВОЛОЧЬЮ ТАКОЮ,
ЧЕЙ РАСТОЧИТЕЛЬНЫЙ ПОРЫВ НЕУКРОТИМ,
В «ХЛАМ БЕСХОЗЯЙСТВЕННЫЙ» ВСЮ ПОГАНЬ ПРЕВРАТИМ?!

Демьян Бедный.

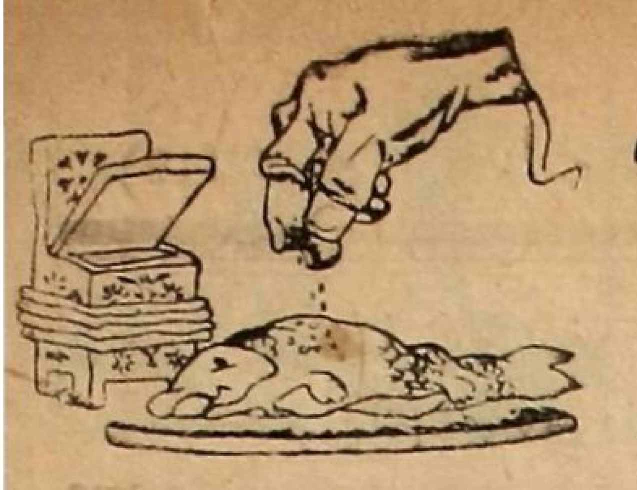

Рис. М. Черемных.

На Мурмане.

На Мурмане колоссальный улов рыбы. Рыба самая простая в сети, а «Область-рыба» не отпускает достаточно соли, да и ту, что отпускает ставит рыбакам очень дорого. (*Из газет*).

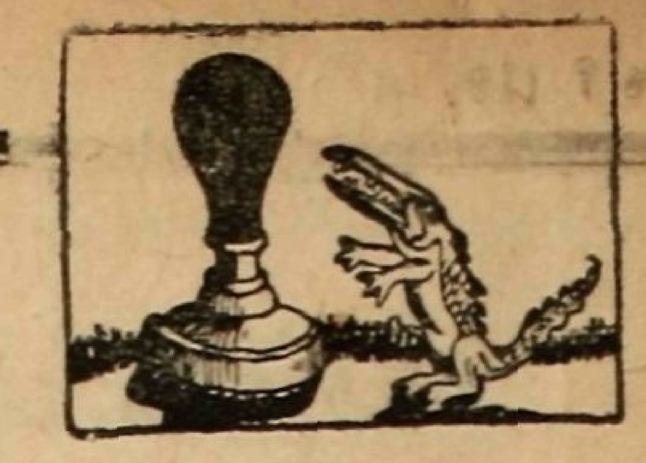
Рыбы:—Когда же вы нас, наконец, посолите?

Рыбаки:—Мы и сами не солоно хлебавши.

Крокодил в гостях у взятки.

Рис. Д. Моора.

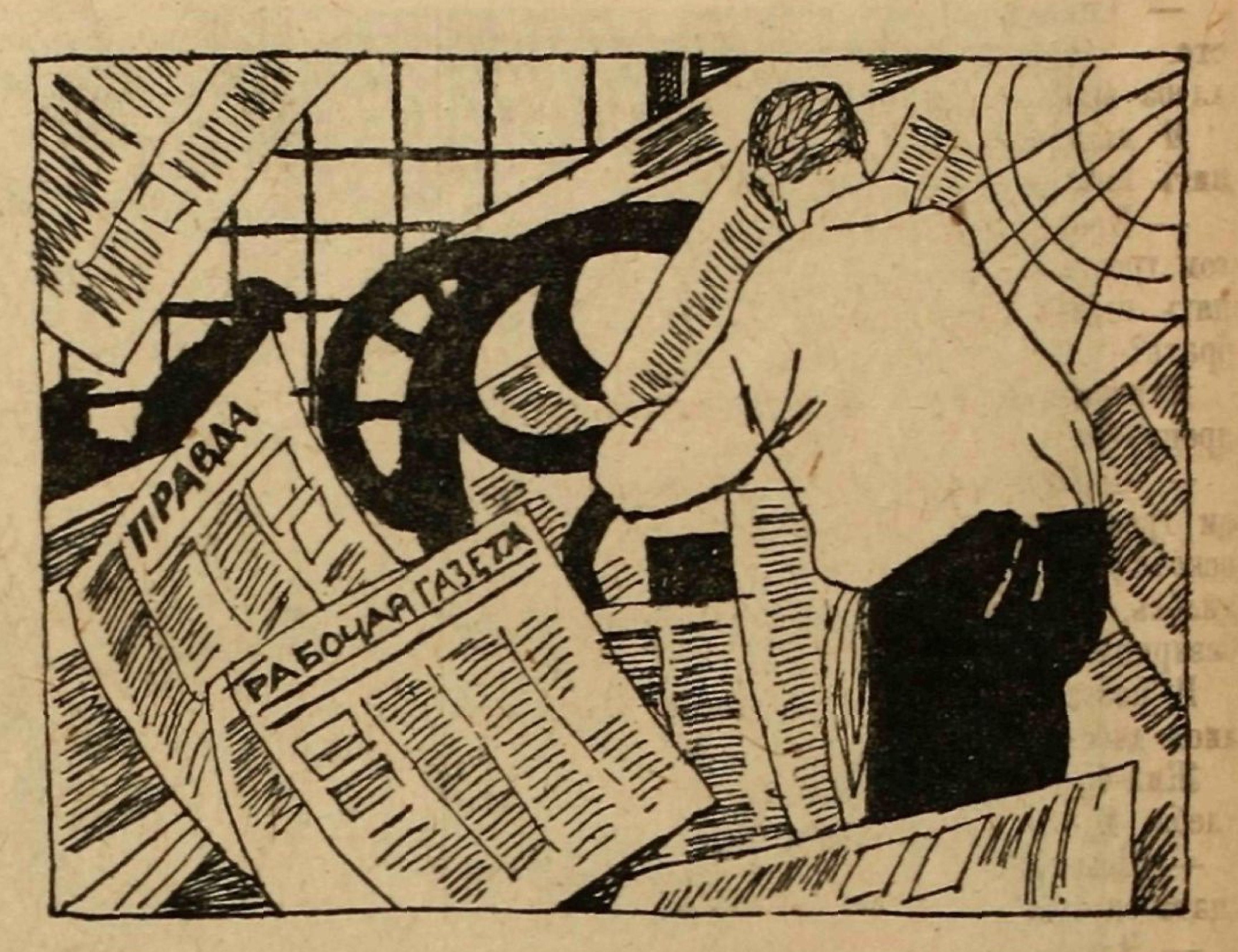

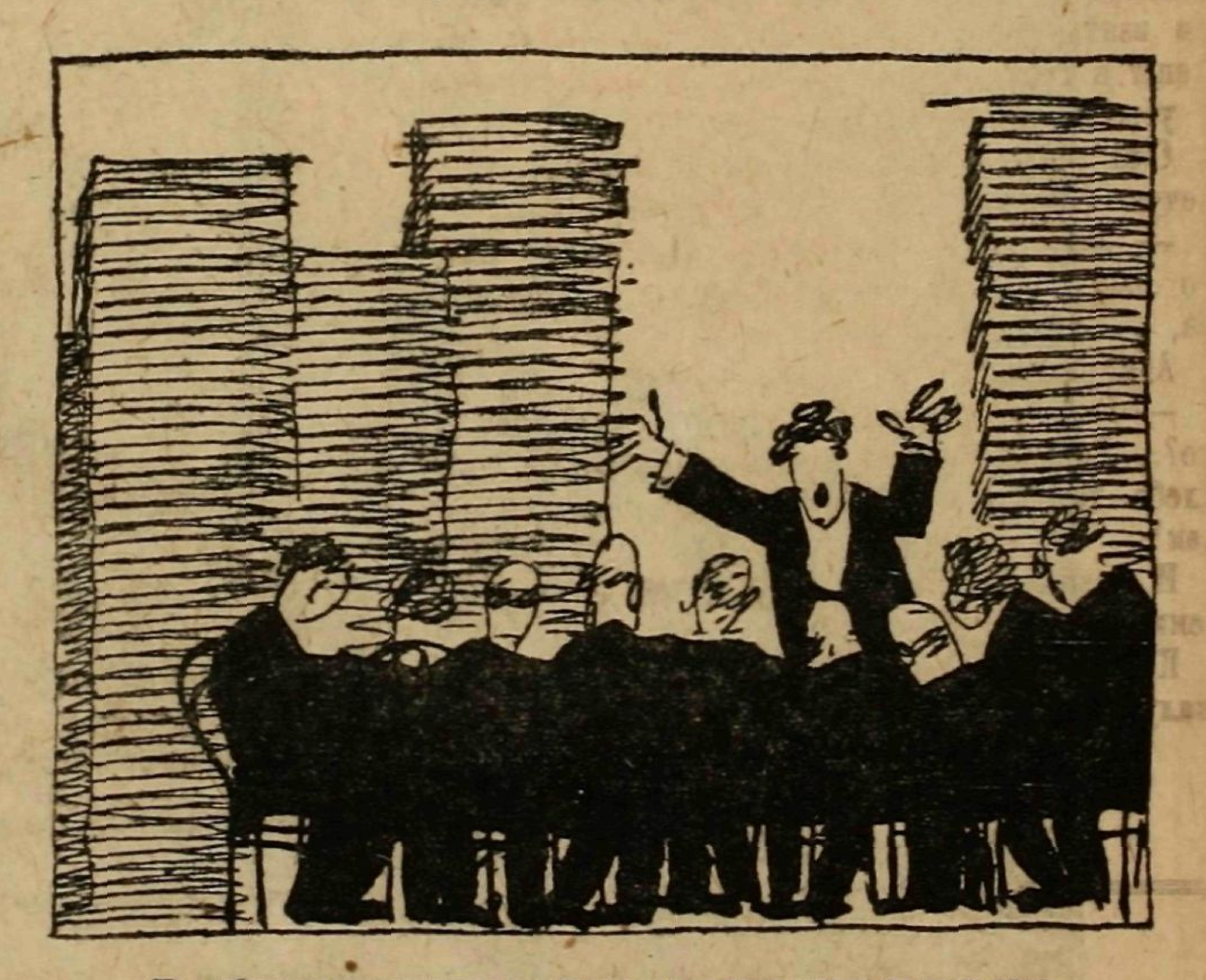
Самая распространенная [illegible] в Р.С.Ф.С.Р. печать.

Печатное слово.

Рис. М. Черемных.

В типографии делают печатное слово.

На собраниях экспедиции печати говорится много умных слов о распространении печатного слова.

А здесь, в глуши, сидят люди и за неимением газет и прочего слова печатного ведут разговоры словами непечатными.

Визит ко взятке.

Я вошел к ней любезным и милым,
Стиснув левую лапу перчаткой,
Будто не был совсем крокодилом:
— Честь имею... с гражданкой **Взяткой?**
Много видел я нэповских бабищ,
А такой не встречалось коровы.
Я подумал:—ну, здорово грабишь!
И сказал:—вы, надеюсь, здоровы?
И она мне ответила томно:
— Ах, сегодня мигрень от декрета!
И коснулась ручищей огромной
Головищи, играя браслетом.
— Я приехал к вам с красного Нила.
Долетела до нас ваша слава.
В чем, скажите, успех ваш и сила?
В красоте или в легкости нрава?
— Я вам все расскажу по порядку.
Вы, я вижу, египетски-чутки.
Все ругают несчастную Взятку.
Я ж работаю круглые сутки.
Я была благородной девицей.
При дворе я бывала, понятно.
В октябре я жила за границей.
В нэпабре я вернулась обратно.
Начала я с голодных паечных.
С машиниста, начканца, начстанца.
Но у них, как у дев беспорочных,
Вызывала стыдливость румянца.
И пошла я повыше, пошире,
По коопам, госбанкам, гострестам,
Где гуляет трильон сам-четыре,
Где стыду никакого нет места.
Я была там желанною гостьей,
Без меня ни товара, ни сделки.
Там меня разудалою горстью
Прямо с ленинской брали тарелки.
Я признала Октябрь. Я краснела
Как Пильняк, с каждым новым авансом.
Я левела, я рев-сатанела,
Я с самим целовалась Нулансом.
Я... Но тут не она, а я самый
Распахнул свою пасть крокодилью.
Вот вам тело прекрасной сей дамы.
Извините: прибегнул к насилью.

Сергей Городецкий.

— Чего ты невеселый?
— Да в школе нету мест...
— Придется вместо школы
Открыть конфетный трест.

Дипломатические переговоры.

Коробка спичек.

(Так себе, вроде совсказочки).

— Спички-то?.. — удивились в одном тресте. — Раньше почти в одну цену с фунтом хлеба шли, а нынче хлеб-то — вон он почем!.. И назначили за коробку спичек семьдесят пять вместо пятидесяти.

— Происшествие!.. — призадумались в другом тресте: — коробка спичек по семьдесят пять нынче идет! Почем же за папиросы-то брать?

И накинули цену на папиросы на триддать процентов.

— Несоответствие-с! — огорчились в третьем тресте. — На папиросы — вон как цены вскочили, коробка спичек в полтора раза взвинтилась, а мы ситец по восемьсот за аршин разбазариваем!

И постановили брать за аршин ситцу миллион двести.

Жил-был рабочий... Пошел он купить себе хлеба. И, купив, раскрыл рот:

— Позвольте... Ведь вчера еще по сто двадцать он был!.,

— Чудак-человек, — ласково возразили рабочему: — мало ли, что когда было? Спички ли взять, папиросы ли, ситец ли, — на все цены в гору пошли... Что ж он, хлеб-то, себе в убыток начнет продаваться?

С'ел рабочий хлеб, пришел к себе, на спичечую фабрику, и заявил администрации:

— Надо ставки повысить. Слыхали, хлебто нынче почем? Да и табак, и мануфактура, — что ни возьми!

Администрация доложила тресту.

— Гм!.. — удивились в тресте, — а спичкито?.. Раньше почти в одну цену с фунтом хлеба ходили, а нынче хлеб-то — вон он почем!..

И назначали за коробку спичек сто вместо семидесяти пяти...

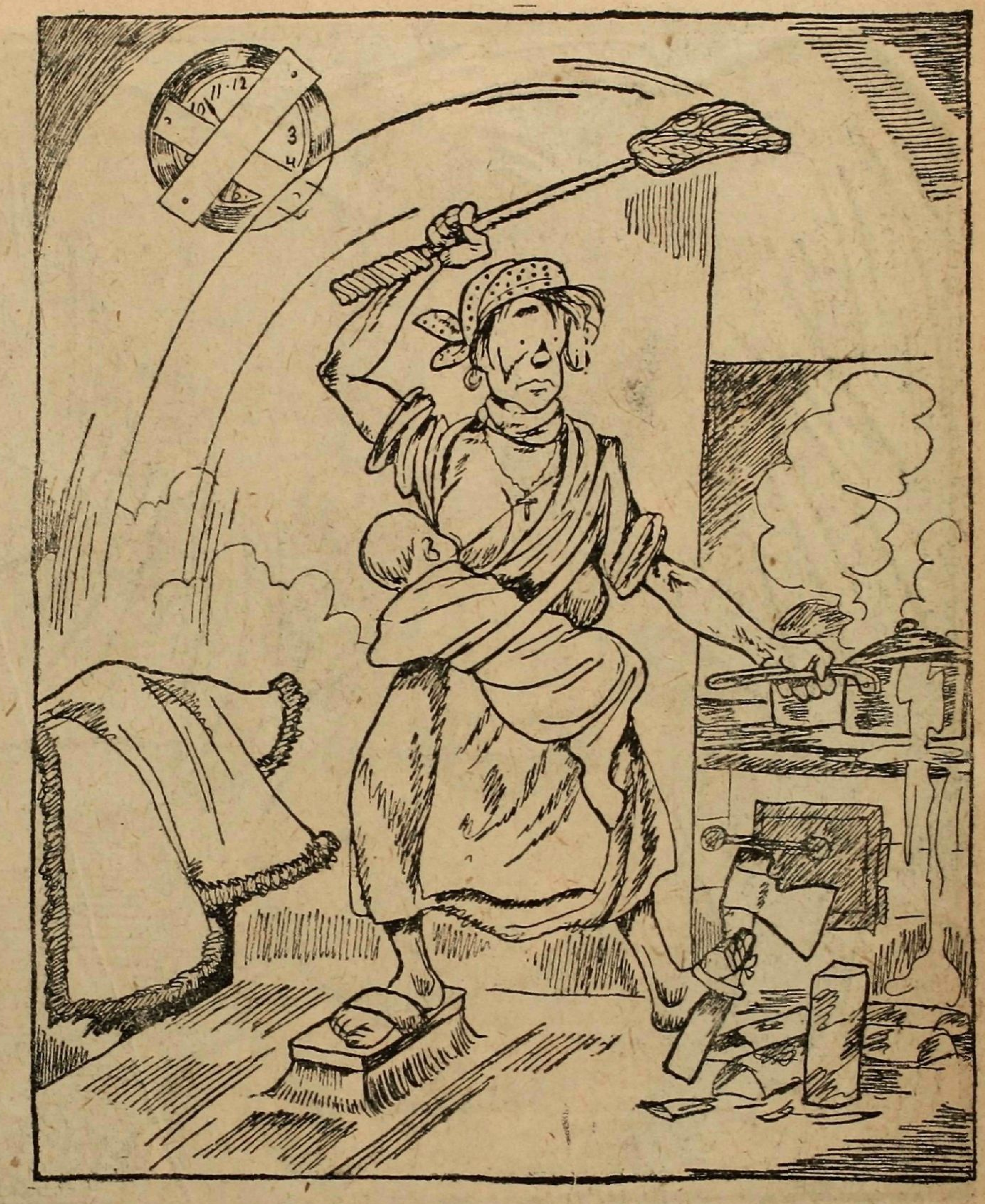
Конца этой сказочке не предвидится... А, пожалуй, следовало бы положить ей конец.

Ив.

Белые рабыни.

Рис. Б. Ефимова.

Нэпманы и совбуры вновь обзавелись домашней прислугой, которую эксплоатируют хуже, чем в недоброе старое время. (Из газет).

— Двадцать три совместительства, из которых ни одно не оплачивается.

Москва.

Сатиро-поэма.

Еще задолго ты мне снилась, я был вдали, не был с тобой. Тобою сердце мое билось в неясной тишине ночной.

И отдал волю я желанью. Лечу. Стремлюсь. И на вокзал, бросая влево, вправо бранью, извозчик в полчаса домчал.

И вот в теплушке минут мне кости. И, не найдя свободных мест, себя ругая за от'езд, мечтаю я о нашей РОСТЕ.

Всю ночь на каждой остановке и крик, и писк, и руготня:—Да вы раздавите меня!.. Еще мужик, а нет сноровки!

— Ой, караул!.. Да вы куда?
(В углу рождается ребенок).
И кто-то затянул спросонок:
— Ой, батюшки! Беда! Беда!.. Карман подрезали. Мильены. Куда пойду, без них—без рук.
И молвил старец убеленный:
— Не разевал бы глотку, друг! Их бойся пуще ты огня... (И кинул взглядом на меня).

Как девичьи густые косы, свисает паровозный дым стелясь по пажитям седым.
И вот Москва.
И поезд встал.
И гулом встретил нас вокзал.

Иду. Навстречу мне палаты, что ни витрина—зеркала. А рядом (знать, судьбина зла!) на окнах темные заплаты из старых досок и тряпья.
И я иду, восторг тая.

Скользя летят автомобили, им несть числа, им нет конца,—дымком зеленым заклубили наряд румяного лица.

Лотки на каждом перекрестке, шнурки, газетные киоски, халва, орехи, шептала,—дары богатого стола,—румяных булок восхищенье, и ситный (фунт за сотен пять), колбасы, ветчина, варенье... Голодный город так сказать!

А в ресторане, как и встарь, блюда сменяются блюдами. Кричат: того-сего поджарь в сметане, с белыми грибами!

— Бутылку пива, половой! Да живо, живо!.. За буфетом, залитым золотистым светом, в пять рук считают денег рой.

В потоке ярких ассигнаций смешались лица рас и наций, и мимо не проносят рта (исконно русская черта!). Машина вальс поет старинный про дальний век Екатерины.

На вывесках стояло ХМУ, МОСТОРГ, ЭПО, отдел СЕЛЬПРОМА, ЦЕКОМПРАВГУТ — типун ему! ГОССТРАХ (такое незнакомо?) и ЧЕКВАЛАП, МОГУСКУСТРОМ... Не беленой ли все об'елись? Шутник какой-то топором слов нарубил, такой погром пошел по городу лететь, что любо-дорого глядеть!..

Кузнецкий Мост... Какие краски! Что ни витрина—зеркала. Того и не придумать в сказке, что было узором запела.

Бела, нарядна и румяна, огнем мерцанья затканa, одета в бархат и меха, горит сияя непрестанно, в разгуле, удали лиха.

Картинных выставок витрины полны добра: сталь, браслеты, пелерины, кальсоны—тонкое добро...

Есть где пройтись и разгуляться! Смотрите: бархат, кружева. О, вволю дай налюбоваться тобою, пышная Москва!

А у под'езда робко жмутся,—их лица—робкие черты,—те, что на черном хлебе бьются, стыдясь бесславной нищеты, с голодной стороны крестьяне. Вот мать в бурдовом сарафане, держа ребенка на руках, собой изображает страх.

Не все проходят мимо-мимо. Не трогает их плачь детей. Несчетным барышом томима душа московских торгашей.

И вот у самого вокзала судьба мне радость указала:

Есть номер, в сутки триллион. Хоть не совсем опрятен он, да где уж в этом разбираться?

И начал я перебираться.

Между тем, стемнело. Света нет, и в раму дует нестерпимо. Пять лет он был неотопимый, и я лежал в пальто одет. И вот без света, без огня прыгнули крысы на меня.

Хвала тебе, жилищ отделы! Тебя помянут добрым словом (таким, аршина в два, еловым) за красоту хороших дел. Мильоны только мастер брать, а там тебе на все плевать!

А крысы прыгают и рыщут и по карманам пищу ищут, листая документы там. И холод из разбитых рам, как бы из погреба несется. И в сотый раз перевернется гостиниц жертва, синь и бел.

Хвала тебе, жилищ отдел!

Мих. Артамонов.

Стиннес приводит мир в состояние куколки, из которой вылетит бабочка социализма.
Рис. Д. Моора. (Из органа германск. меньшевиков „Форвертс".)

Крокодил:—Хорошенькая бабочка растет из этой куколки. Надо поторопить германских рабочих, чтобы они поскорей изготовили для бабочки стальной сачок.

Скоропортящийся груз.

Рассказ.

Ермил Федотов не один раз намекал:

— Чем рыбу за бесценок здесь продавать—ведь Москва недалече! А там почитай втрое против здешнего!

Не верили — дело темное, пока везешь, пока что...

Нет, Ермил Федотов в точности рассчитал—цена, провоз, да еще там на что двадцать процентов — все одно вдвое выходит!

— Протухнет!

— А почему у людей не тухнет?

— Сегодня здесь, завтра там — еще и заснуть не успеет! Добро бы далеко, а то рукой подать!

Так и решили.

Срядился сам Ермил, рыбу в корзины сложили и для верности сургучем припечатали. Привез на станцию и прямо в контору.

По дороге носильщик останавливает.

— Это, спрашивает вам на поезд погрузить надо?

— На поезд...

— Я бы помог... За пятьдесят в момент оборудуем...

— Ну, говорит, за эти деньги я и на своей спине перетаскаю!

— Ну хочешь, сорок пять! Жалеть будешь!

Ермил и слушать не захотел: чуть ли что не вся выгода на переноску пойдет!—и прямо в контору. Сам на весы положил — все честь честью, дали квитанцию.

— Через недельку, говорят и погрузим...

— Как так?

— Да у нас говорят советским грузом все вагоны заняты!

— Да, ведь, за неделю же протухнет!

— Тогда, говорят, у вас значит скоропортящийся груз и он может пойти вне очереди, только надо особое разрешение. Пройдите,—тут недалеко,—в управление—налево, красный дом, да по лестнице вверх—там все сделают.

Приходит Ермил в это самое управление.

— Так и так, требуется ваша печать для отправки, как скоропортящий...

А там молодой человек — и штаны у него в клетку.

— Давали, говорит, прежде, а теперь дорога сама может распорядиться...

— А вот меня к вам направили...

Подумал, подумал:

— Я ничего не могу—вот за этим—показал—столом барышня сидит, она вам все скажет, только ее сегодня нет—придите завтра в час.

— Что ж думает до завтра и заснуть не успеет.

Приходит в час. И верно—за тем самым столом сидит барышня и книжку читает. Он к ней,

— Так и так—все по порядку...

Посмотрела квитанцию, подумала, достала одну книжку, потом другую, и еще в какую-то тетрадочку заглянула.

— Ну, так как же?

— На этот предмет, говорит, нет еще пока никаких раз'яснений. Обратитесь к управделу—направо по корридору вторая дверь... Только его сейчас нет, зайдите завтра в два...

Побежал опять на станцию:

— Все завтра и завтра, все труды пропадут!

— Это говорят, нас не касается...

Делать нечего—прошел еще день. Приходит опять—верно, направо вторая дверь и там управдел сидит, да такой вежливый:

— Садитесь, пожалуйста!

— Это, говорит, можно, только у нас такими делами товарищ занят—вот за тем—показал—столом, придите завтра в три, он будет...

Ермил вскипел ажно—только сдержался:

— Да ведь протухнет!

— Извините, говорит, я ничего для вас сделать не могу...

Всю ночь не спал—еле до трех часов дождался. Приходит и верно нашел того самого товарища:

— Так и так, все по порядку об'яснил.

— Да что это они! Ведь им толком сказано, что никакого разрешения не требуется. Я им по телефону позвоню!

Взялся за телефон—не работает.

— Ну, говорит, вы подождите, мы вам письменную справку напишем.

Присел к сторонке, ждет—пождет—никакой справки не дают. Опять к тому же товарищу:

— Как же мое дело?

Тот рассердился:

— Да что же вы тут сидите?

Сам свел к молодому человеку, у которого штаны в клетку:

— Напишите, что разрешений не требуется...

Приходит Ермил опять в контору, а там уж заперто: четыре часа.

— Приходите завтра в десять, сейчас уже кончили!

— Ну, думает, теперь уж наверняка принялась... Да ничего, только перевезти, а там в кооператив по дешевой цене на пайки пойдет, ничего что с душком...

Утром, в десять, в контору:

— Вот вам письменная справка, отправьте поскорее.

Посмотрели на бумажку:

— Это что скоропортящий? Тут с вас за хранение причитается!

Заплатил и за хранение.

— А теперь вам анкетку нужно заполнить и заверить у начальника станции...

— Давайте скорей, коль за этим дело!

Пошарили по ящикам там, здесь поискали:

— Видите, говорят, у нас все анкеты вышли—зайдите через недельку, когда напечатают...

Ермил из себя вышел:

— Ах вас так и так!

Тут уж и на него прикрикнули:

— Мы с вами по хорошему, а не хотите и протокол составим при исполнении служебных обязанностей.

Да из конторы голубчика вытолкали!

— Сел он тут же и что делать не знает. Неделю ждать — совсем протухнет, а назад везти—засмеют!

А тут опять тот же самый носильщик подходит, что в поезд грузить нанимался.

— Ну, как, говорит, дела...

А сам посмеивается.

— Да вот так и так—выручи голубчик...

— Теперь, говорит, меньше сотни никак нельзя, ну да я тебе по старой цене сделаю—в момент погрузим!

Пришли в контору:

— Где же товар?

— Да мы его на склад сдали, здесь только мешает.

— Пошли на склад.

— Это, спрашивают, рыба-то? Что-то будто такой и не было...

Посмотрели на бумажку: и носильщик что-то шепнул:

— Погодите, говорят, мы сейчас справимся.

Еще одного позвали:

— Это, говорит, тухлая-то? Поздно пришли—мы ее еще вчера на свалку вывезли! У нас и акт есть—за печатью и с подписом!

М. Козырев

Итальянские головорезы.

Итальянские фашисты, подобно русским черносотенцам, борятся против засухи .. крестным ходом.

Из газет.

Рис. И. Малютина.

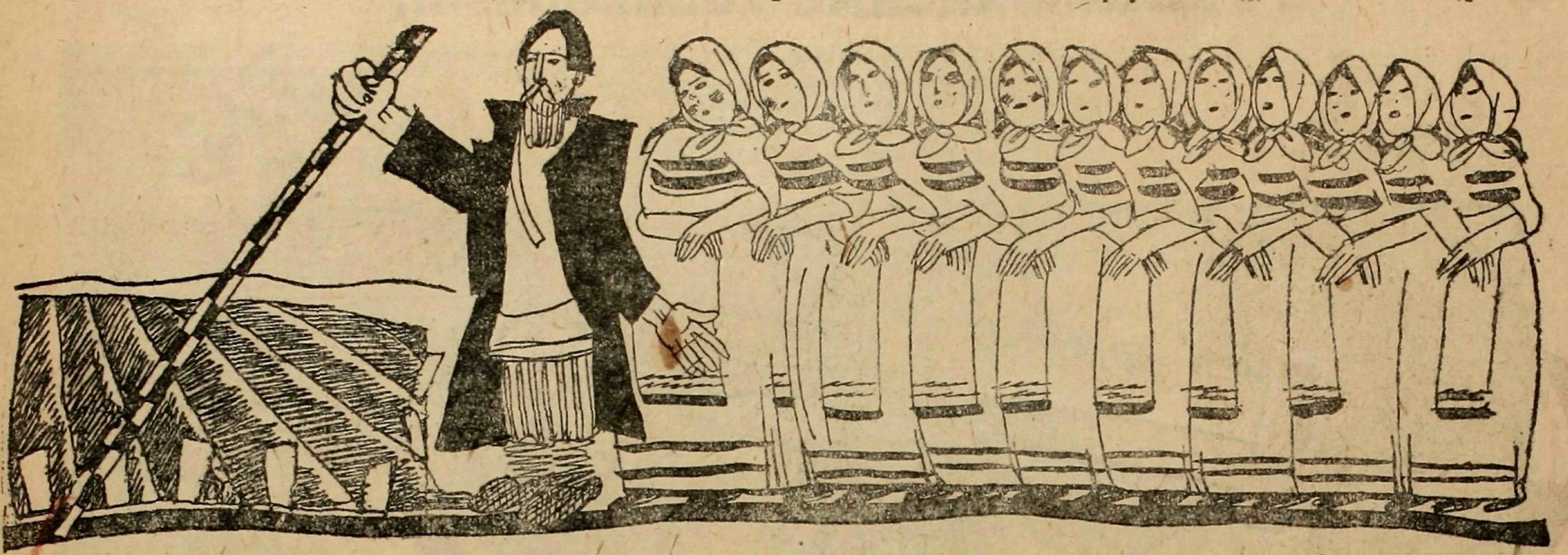

Сейчас крест в руках у фашистов. Пора бы итальянским рабочим поставить крест над фашистами.

Рис. М. Черемных.

Быль деревенская.

Во многих деревнях парни не берут девок замуж, если отец не даст за ними „в приданое" норму земли. („Известия").

Возле речки, возле моста,
Возле старого погоста,
В деревушке «Бабий стан»
Жил да был один Иван.

И случилось с глазу, что ли,
На Иванову недолю
Наплодил он дочерей
Как под дубом желудей:

Поликсена, Ольга, Марья,
Евпраксия, Софья, Дарья,
Две Натальи, Марья вновь,
Сосипатра и Любовь,

Александра, Анна, Фекла,—
Все румяны точно свекла,
В каждой девке ходит кровь,
Все узнать хотят любовь.

О мужьях все девки тужат,
Дай им мужа да к тому же,
Чтоб лицом он был красив,
Всем пригож и неспесив.

Взвыл Иван, да делать нечего,—
Волость всю созвал на вече:
— Кто жениться тут не трус—
Выбор есть на всякий вкус!

Парни вышли, поглядели,
Видят — девки в самом деле,
Как ни глянь из разных мест
Все невесты из невест.

Мигом девок разобрали
И к отцу сватов заслали:
— Так и так, мол, мы не прочь
Замуж взять вот эту дочь.
Только дочке для прокорму
Ты отрежь землицы норму,
А не то пойдем назад—
Так отрезал каждый сват.
Взял Иван аршин да мерку,
Вышел в поле на проверку
Долго мерил, бился, прел.
И с досады заревел:
— И зачем я их наделал!
Не хватает мне надела.
Роту целую бабья
Век не выдам замуж я!
Стал Иван искать осину,
Чтоб петлю себе накинуть
Вдруг навстречу кум Мирон
(Из совета ехал он)
— Здравствуй, кум! Я из совета.
— Сделай милость, посоветуй,
Как мне девок сбыть с руки:
Норму просят женихи...
— Э... Да ты уж петлю сучишь.
Ну-ка брось ее! А лучше
Брякни прямо женихам:
Мол, земли я вам не дам.
Потому землей владеет
Вся Советская Расея,
Коль хотите норму взять
С ней должны вы толковать.
А в ту пору мы с тобою
Соберем отцов гурьбою
И пошлем письмо в Совет,
Чтобы дали нам декрет,
Где всю эту мудрость, значит
На бумаге обозначат,
И поставят нам печать
Чтобы нам не горевать.
И еще тебе скажу я:
Эта мода от буржуя
За женою брать добро—
Нынче это уж старо.
Не ко времени! Со свету
Надо выжить моду эту.
Пусть зятья берут жену,
А не женину казну.

Тут Иван недолго думал,
Как медведь облапил кума.
Стало душно мужику:
— Совнарком ты, а не кум!
Разогнал мою чахотку—
Приходи, куплю селедку
И с тобою мы соспар
Выпьем чаю самовар.

В. КУМАЧ.

Рис. Б. Ефимова.

Эррио и тов. Малышев.

Эррио в беседе с тов. Малышевым сказал: „Мой родной Лион очень похож на ваш Нижний и я тоже состою председателем лионского ярмарочного комитета".

(*Из газет*).

Эррио: Если бы я не был Эррио—я хотел бы быть Малышевым.
Малышев:—Боюсь, что не выдержали бы. Хлопотно оч

Юбилейный шарж.

Рис. Д. Мельникова.

А. И. Южин.

Попья песенка.

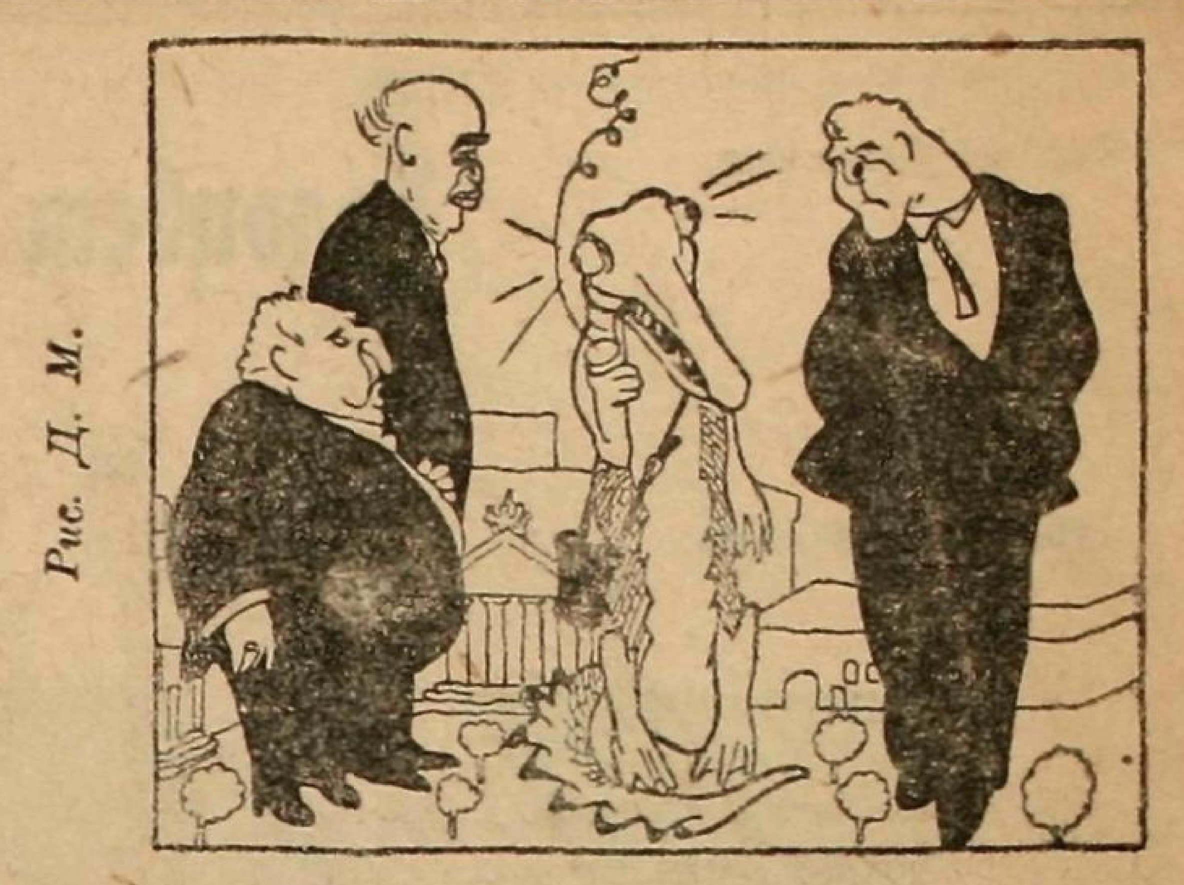
Как у нашего попа
Жили в рясе три клопа.
И сосали вчетвером
Деревенское добро.
Делать нечего, привычка:
В избежание греха
Дай на троицу яичко,
А на пасху петуха.

Как и первый клоп был царь,
А второй — помещик был.
Третий клоп был становой.
На деревне нет лица.
Нету крыши у избы.
Стон стоит кругом и вой.
Делать нечего, привычка:
В избежание греха
Дай на троицу яичко,
А на пасху петуха.

Грянул молот октября.
Поумнели мужики.
Придавили всех клопов.
Станового и царя,
И помещика — в клочки!
Ну, а как насчет попов?
Делать нечего, привычка:
В избежание греха
Дай на троицу яично,
А на пасху петуха.

Поп не клоп: куда хитрей:
Видит: темная земля,
И мужик еще простак.
Овцы есть, так значит, брей.

Рис. Д. М.

Южин, Станиславский, Шаляпин.

Крокодил: Милые актеры, дайте посмотреть на вас хоть на улице—в театре все равно не увидишь. Рабочая полоса отменена.

Стал он церковь оживлять.
Оживил ее вот так:
Делать нечего привычка:
В избежание греха
Дай на троицу яичко,
А на пасху петуха.
Как у нашего попа
Голова-то не глупа.
У того она глупа,
Кто потеет на попа.
Делать нечего, привычка:
В избежание греха
Дай на троицу яичко,
А на пасху петуха.

Сергей Городецкий.

ЕЩЕ О ЧИЧЕРИНЕ.

27-го сентября выехал из Берлина в Москву Наркоминдел т. Г. В. Чичерин.
(Из газет).

— Слышали?

Я побожился, что сегодня еще ничего не «слышал». Тогда Иван Иваныч многозначительно подмигнул левым глазом и зашептал:

— Чичерин-то... Слышали?

— Что? Заболел? Умер?

— Какой там умер... Изменил!

— Как изменил?

— Ну, как обыкновенно изменяют. Взял да продал...

— Россию.

— Не совсем Россию, а очень важные дипломатические документы. Он продал, а Германия купила.

— Послушайте, Иван Иваныч, да правда ли это? Откуда вы узнали?

Иван Иваныч всерьез обиделся.

— Правда ли? А то, что все ноты Карахан подписывает, это по вашему ничего не значит? А то, что Чичерин в Берлине сидит, это тоже пустяки? Нет, батенька, не обманете. И потом...

Голос Ивана Иваныча снизился до трагического шепота:

— Мне об этом Марья Степановна говорила. А она — машинисткой в Наркоминделе служит...

Не успел я попрощаться с Иван Иванычем, как навстречу шествует Петр Петрович. Только поздоровались, он сейчас же:

— Слышали?

— Ну, конечно. Чичерин продал... Россию и вообще дипломатические тайны.

Тут уж рассердился Петр Петрович.

— И охота вам такие сплетни распространять. Просто заложником остался...

— Заложником? Где? За кого?

— Ясно, за кого: за эсеров. Его Пуанкаре задержал, пока наше правительство не выпустит эсеров из тюрьмы.

Я попробовал возразить:

— Да ведь, Чичерин в Берлине, а Пуанкаре в Париже.

— Так что ж из этого,—иронически усмехнулся Петр Петрович. — А репарации? Приказал Пуанкаре немцам в порядке репараций задержать Чичерина. Те и задержали...

И вдруг телеграмма: «Чичерин возвращается».

Впрочем, Иван Иваныч уверяет, что это обычный большевистский фокус: просто Советское правительство решило выменять эсеров на Чичерина.

ДОН-КИХОТ.

Театральные барышники.

Рис. Бор. Ефимова.

У Большого театра (с натуры).

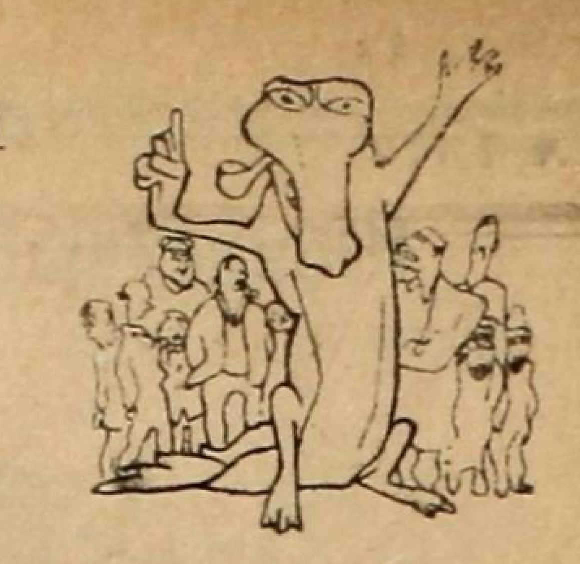
СМАЦУДАЙРИЛ.

—Эй, гражданин! Стойте! Вы у меня стащили коробку папирос!

— О чем же тут разговаривать? Мацудайра пол-Сахалина стащил, и никаких переговоров. А вы из коробки папирос на конференцию меня тащите. В чем дело?

С.

Белоцвет на красной почве.

В одном из детских домов в Петрограде воспитателями оказались: бывший юрисконсульт „Лензолото“, два бывших богослова и баронесса.

(„Красная газета“).

Рис. М. Черемных.

ЗАКОН БОЖИЙ

2+2 = 5

ОДЕКОЛОН

„Воспитатели“.

Баронесса, богословы,
С ними царский адвокат
Применяли метод новый
К воспитанию ребят.
Помочив одеколоном,
Розгой выбив красный дух

Божьим пичкали законом,
Сделав пять из дважды-двух.
— Что такое символ веры?
— Сколько раз вам говорить,—
Бросьте глупую манеру

Ленты красные носить!
Но недавно богословы
Баронесса, адвокат—
Перебрались в домик новый,
Где темно и нет ребят.

Рис. М. Черемных.

ВИЛАМИ В БОК.

Эй, невеста, сестра! Эй, жена, дочь и мать
Для себя и Советской России
Начинайте скорей мужиков отнимать
У зеленого, цепкого змия!

«РАЗДЕЛИША РИЗЫ».

При прохождении через Батаевку Николая Угодника,—сообщает «Экон. Путь» № 210,— разыгрался скандал. Домохозяин спрашивает: Кому отдать за молебен? (пуд ржи). Тут и началось:

Протодьякон.—Тогда я никому не дам икону.

Священник.—Икона не ваша, а народная.

Протодьякон.—Ах, вы вольнодумец этакий.

Священник.—Я на лодырей работать не буду.

Раздались голоса присутствующих.—Не дадите, так разобьем икону, не достанется не вам, ни нам...

Однако, обесцениваются не только дензнаки, а и святыни. Что думал о духовенстве Никола Угодник, сидя за киотом? — Подлецы, дескать, вы порядочные. Народу голову крутите, а меня готовы сменять на пуд ржи.

КОМСОМОЛЬЦЫ, ГЛЯДИ В ОБА!

Приехавший в село Стрельниково, Шунген. вол., поп организовал кружек молодежи. Программа кружка: борьба против «безбожников», против бритья бороды, предписывается строгое соблюдение постов, аккуратное посещение церкви, запрещение посещать спектакли, концерты, митинги, лекции.

Недурный союз, не правда ли,—спрашивает «Красный Мир», № 215 (Кострома)—от него, пожалуй, недалеко и до таких организаций, как разные «Союзы Русского Народа»и «Архангела Михаила», в которых работали верные подданные государевы.

Комсомольцы, что вы на это скажете? Сделано ли вами что-нибудь?

СТОПУДОВЫЙ ЧУДОТВОРЕЦ.

Симбирский поэт («Экон. Путь» № 210 — 17 сентября) набрасывает картину хождения с чудотворцем:

Выхожу я. Греет солнце.
Слышен колокольный гам.
То таскают чудотворца
На носилках по домам.
Сто пудов святыня весит,
Сто старух ее несут...

Ничего себе! Не потерял весу, несмотря на голод свирепствовавший в Симбирске.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ.

В селе Златоуст, Иваново-Вознесенского у., по сообщению «Рабочего Края», о. Леонид отказался служить, так как был обделен покосом. Ночью церковь засветилась огнями и раздалось пение.

Подошли крестьяне, решив, что это чудо господне. И вдруг вместо церковных песнопений услышали: «Бывали дни веселые, гулял я молодец».

Вошли. В церковном облачении, в волнах кадильного дыма, оказался житель того же села, Казаков.

— Поп об'явил саботаж, так я бесплатно для вас служба,—заявил он вошедшим.

Свято место — не бывает пусто.

По сообщению той же газеты, многие священники ударились в торговлю. Родится, бывало, ребенок, окрестить надо, или умирает кто, — идут к священнику:

— Дома отец Елизар?

— Отец Елизар уехал на базар,—отвечают его домочадцы.

— Куда?

— В Кинешму.

Приходят на другой день:

— Дома отец Елизар?

— О. Елизар уехал на базар.

— Куда?

— В Решму.

На третий день идут:

— Дома ли о. Елизар?

— О, Елизар уехал на базар.

— Куда?

— В Вичугу.

И опять и опять идут. Ответ один:

— Отец Елизар уехал на базар.

Даже домочадцы осердятся: — Что вы ходите напрасно, знайте: присутственный день воскресенье.

ДИАКОН КРОКОДИЛОВ.

СТРАНИЧКА ЧИТАТЕЛЯ.

Почтовый ящик.

МОСКВА.

Сергееву. — «Законный человек» пойдет в ближайшем номере. Пишите еще.

В. Филинюку. — Филинюк прислал нам исследование: «Какие части тела больше всего любят Наркомы». «Крокодил» не нарком, но больше всего любит умную голову. Филинюка он не полюбил.

Исаеву. — Чтобы писать пародию на Ветхий завет, мало быть Исавом,—надо еще заглянуть в Ветхий завет.

Б. Шейнин. — Шейнин пишет:

Видел я истоки Нила,
И на полюсе бывал,
Но доселе не видал
Я не разу крокодила.

Напрасно! А мы-то стараемся — 7-й номер выпускаем.

Зеву. — Зев упрекает крокодила за его вознесение под небеса:

Ты-б гулял побольше на земле,
Покопался в нашей бы вонючей мгле,
С высоты же ты увидишь только шиш,
Да, пожалуй, насчитаешь много крыш.

Неправда, Зев, крокодил видел еще многое другое: например, как Зев забыл написать свой адрес и налепить марку на конверт.

Первопечатник Федоров.

Рис. Д. М.

ПРОВИНЦИЯ.

Гомель. Г. Рыклину. — «Монопольная наука» — устарела. Присылайте еще. И скажите вашему другу Лелевичу, чтобы он не присылал уже напечатанных вещей, а то гонорара не заплатим. Так ему и скажите.

Гор. Н. Вичуга. П. Цветкову.—Цветков пишет:

У нас в районе такие жулики,
Утащил я с почты два пуда муки.

И добавляет в письме: «Я с почтением стал бы помогать крокодилу ловить на зубы злободневные события». Спасибо, Цветков! Лучше ловите муку на зубы!

Калуга. М. Лукьянову. — Лукьянов назвал свою вещь: «Мечты, мечты, где ваша сладость». Крокодил в этих «мечтах» тоже никакой сладости не нашел. Может быть, еще что-нибудь намечтаете?

Донбасс. С. Должанскому. — Частично используем. Присылайте еще.

Ив.-Вознесенск. В. И. Гришину. — Гришин пишет: «Если будете печатать,—буду присылать не только стихи, но и юмористические рассказы».

Если юмористические рассказы будут такие же, как стихи, бросим в корзину не только стихи, но и юмористические рассказы.

Помочь… Спасибо, Миша. Пиши **Розгой вы…** Пиши еще.

Костя Коробкин.

Рисунок прислан из Горловки.

Письмо из Горловки.

ЕНАКИЕВСКОГО ГОРНОГО РАЙОНА.

Коробкин Костя, управляющий, с'ездил в Москву в отпуск. Раньше был он коногон шахтный, ну, а из отпуска приехал горным инженером, молоточки на лбу. Рабочие ему из темного угла в кричат: «Костя, сбрось молотки, а то в «Крокодил» напишем».

Горловский рабочий.

„Крокодил" в Чонгарской кавдивизии.

(Совершенно правдивая история).

Мне очень нравится «Крокодил», но это не важно. Гораздо важнее то, что этот самый «Крокодил» приполз к нам, прямо в полковую библиотеку; ощерил свою зубастую пролетарскую пасть и тем самым очень понравился всей нашей буденовской «бражке».

Около стола сгрудилась кучка человек в пять, при чем каждый из них уставил свой палец в стол.

— Глянь-ка, Ванька, самого Бога с неба спустили, — восторженно воскликнул боец, обращаясь к своему товарищу.

— Вот и врешь братуха — это он сам спустился.

— Не больно-то сладко на небеси — как Демьян Бедный его на земли «кроет»

А на странице «Крокодила», действительно, седенький старичек с трубкой спокойно спускался по «исааковой» лестнице.

С. БАКЛАНОВ.

Дорогой Крокодил, товарищ и друг, скажи злому дяде, который стоит у меня за спиной, чтобы он не считал незаконным, что я развел голубей несколько штук, потому что я их очень люблю и не гнал бы меня с квартиры, потому что сейчас зима, очень холодно и мне некуда ехать, потому что сейчас квартирный кризис. Демьян Бедный все летает на аэроплане, а то бы он написал мне письмо в стихах складней. Целую тебя Д. Мюр.

P. S. Я нарисовал тебе интересную картинку может быть ее можно будет напечатать.

—ООО—

Подарок „Крокодила" свердловцам.

(Жалобы свердловцев).

Многоуважаемый товарищ «Крокодил»!

В общежитии свердловцев (М. Дмитровка) нет ни уборных, ни водопровода. Приходится бегать в здание университета (напротив общежития), где эта цивилизация еще сохранилась. Днем еще туда сюда. Но ровно в 12 часов по ночам двери университета закрываются. Тогда по М. Дмитровке можно видеть свердловцев, ищущих укромное местечко, или дом, придерживающийся «политики открытых дверей». «В двенадцать часов по почам» бродят свердловцы, как нераскаянные души по соседним закоулкам. Надеемся, что их горькая участь тронет ваше чуткое крокодилье сердце.

СВЕРДЛОВЦЫ.

Крокодил работает по Наркомпросу.

Под сенью подсолнухов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
НА „РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ“
И „КРОКОДИЛ“.
НА ОКТЯБРЬ:

с „Крокодилом“ . . 150 руб.
без „ . . 100 „

На взморье Тверского бульвара.

КРОКОДИЛ

НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.

Греческий король Константин свергнут с престола.
Положение турецкого султана шаткое. (Из газет.)

Рис. Д. Моора.

Ветер крепчает...

Главлит. № 2243. 7-я Типография «МОСПОЛИГРАФ» (бывш. Мамонтова).